

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 340.13

ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНОВ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В АКТАХ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Бахриева З. Р.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуется проблема толкования терминов, употребляемых в актах гражданского законодательства, анализируются правила толкования терминов на примере понятий «договор» и «обязательство» с учетом аспектов *de lege lata* и *de lege ferenda*.

Автором доказывается, что легальное определение какого-либо термина, изложенное в Гражданском кодексе, может быть оторванным от текстов законодательных актов, в которых этот термин употребляется. В статье также делается попытка субординации всех существующих правил толкования терминов. По мнению автора, на первом месте должно быть вытекающее из закона понимание термина, далее, на втором месте – то значение термина, которое вытекает из законодательного определения соответствующего понятия, на третьем месте – судебная практика толкования законодательного термина (и иные виды практики). И только потом – научное понимание термина.

Ключевые слова: толкование терминов, правовая норма, законодательное положение, гражданское право, договор, обязательство, *de lege lata*, *de lege ferenda*.

Толкование терминов – это одна из центральных проблем правотолкования. Однако она не получила надлежащего разрешения в науке. Поэтому в учебной литературе мы встречаем оторванные от законодательства положения, в которых излагаются правила толкования терминов и показывается субординация между этими правилами.

Так, в одном из учебников теории права предлагается несколько правил толкования терминов. В частности, излагается мнение, в соответствии с которым в случаях, когда законодатель с помощью легальной дефиниции (определения, данного в законе) или иным путем определил значение термина, то именно в этом смысле и следует его употреблять [1, с. 328]. Это мнение принадлежит А. Ф. Черданцеву, который еще до издания учебника, где отражено приведенное мнение, уже более четверти века исследовал проблему толкования, а потому должен был основательно освоить соответствующую проблему. Таким образом, следуя логике А. Ф. Черданцева, если в Гражданском кодексе Российской Федерации содержатся легальные дефиниции, то соответствующие термины необходимо толковать так, как это следует из легальных определений.

Однако нельзя не признать, что легальное определение какого-либо термина, изложенное в Гражданском кодексе, может быть оторванным от текстов законодательных актов, в которых этот термин употребляется. Поэтому существует

необходимость проведения специального исследования проблемы толкования терминов, употребляемых в актах гражданского законодательства. Этим и поясняется актуальность данной работы.

Соответственно, цель данной статьи заключается в анализе существующих правил толкования терминов, в частности, попробуем проверить правильность предложенного А. Ф. Черданцевым правила на примерах толкования понятий договора и обязательства.

Согласно п. 1 ст. 420 ГК РФ «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». Как видим, из текста приведенного законодательного положения следует, что договор – это сделка, а более широко – это юридический факт. При этом возникает вопрос о том, сводится ли роль договора только к значению юридического факта и не придает ли законодатель иного значения этому термину. Обращаясь к ст. 422 ГК РФ и многочисленным другим положениям закона, мы обнаруживаем, что «договор» понимается законодателем также и как индивидуальный регулятор отношений сторон. При этом отметим, что и в юридической литературе не ставится под сомнение, что термин «договор» употребляется и должен употребляться в значении не только юридического факта, но и индивидуального регулятора отношений между его сторонами.

Следуя правилу А. Ф. Черданцева, дефиниция договора, данная в законе, должна использоваться преимущественно при толковании положений законодательства, в которых употребляется термин «договор». Однако учитывая тот факт, что легальное определение все же может быть «оторванным» от текстов законодательных актов, то при толковании юридических терминов, на наш взгляд, предпочтение необходимо отдавать их пониманию, вытекающему из закона. Следовательно, понимание договора, вытекающее из ст. 422 ГК и других положений Гражданского кодекса, имеет преимущественное значение при правотолковании перед пониманием договора, которое вытекает из легального определения договора в ст. 420 ГК РФ.

Обращаясь к многочисленным положениям Гражданского кодекса об отдельных видах договоров, в частности, к ст. 618 ГК РФ о прекращении договора субаренды при досрочном прекращении договора аренды, следует сделать еще один вывод, в соответствии с которым законодатель понимает договор не только как юридический факт и не только как регулятор отношений между его сторонами, но и как правоотношение, которому свойственна динамика: договор может прекращаться. При этом из контекста соответствующих законодательных положений четко видно, что речь не идет о прекращении договора как индивидуального регулятора отношений между его сторонами, хотя проблема прекращения договора, понимаемого именно в таком смысле, имеет и теоретический, и практический аспекты.

Нельзя законодательные положения, в которых идет речь о прекращении договора, понимать и таким образом, что в них под термином «договор» понимается сделка (юридический факт). Договор как сделка (юридический факт) не может прекращаться, ибо понимаемый в таком смысле договор имеет одномоментный характер, а рассмотрение сделки как явления, протяженного во времени, не имеет ни легальных, ни логических оснований. Сделка по своей природе как юридический

факт вовсе не действует после того, как выполнила роль основания возникновения обязательства. Это не исключает возможности признания сделки недействительной с момента ее совершения.

В нормативных формулировках должна идти речь о прекращении таких правовых явлений, которые могут существовать во времени, а в процессе существования проявляют или, по крайней мере, могут проявлять свою активность, то есть способны функционировать. Если же явление не способно проявлять свою активность, функционировать, то о его прекращении нельзя вести и речи. Прекращаться могут такие правовые явления, которые способны существовать во времени. В частности, прекращаться могут правоотношения, так как им свойственна динамика.

Таким образом, из контекста соответствующих законодательных положений четко видно, что речь идет о прекращении договора как правоотношения. Следовательно, законодатель понимает договор в трех значениях, в том числе и как само правоотношение, в результате чего понимание договора становится тождественным пониманию договорного обязательства (разновидности гражданских правоотношений).

Отождествление понятий договора и обязательства наблюдается и в разделе IV ГК РФ, имеющем название «Отдельные виды обязательств», где, по сути, говорится о различных видах договоров, не только служащих основанием возникновения обязательств, но и являющихся самими обязательствами.

А ведь еще в 50-х годах О. А. Красавчиков указывал на неоправданность рассмотрения договора как правоотношения, поскольку в таком случае в нем смешиваются юридический факт и его правовые последствия, то есть основания возникновения обязательств смешиваются с самим обязательством [2, с. 173].

Между тем в современной российской юридической литературе приветствуется многозначность и многоаспектность понятия договора. М. И. Брагинский в своей книге «Договорное право» назвал и посвятил целый раздел договору как правоотношению [3, с. 222], за что В. А. Белов удостоил его звания самого ортодоксального сторонника такого словоупотребления в современной юридической литературе. Сам В. А. Белов категорически выступает против такого смешивания понятий и указывает, что четкое различие договоров (юридических фактов) и обязательств является абсолютно необходимым условием адекватного усвоения и применения всего гражданско-правового материала [4, с. 685].

Но вместе с М. И. Брагинским такую терминологию поддерживают и другие российские ученые, утверждающие, что термином «договор» обозначаются разные понятия, в том числе правоотношения, которые порождаются волеизъявлением сторон, то есть само договорное обязательство [5, с. 27].

На наш взгляд, М. И. Брагинский не прав только в том, что он не пояснил, что понимание договора как правоотношения вытекает из закона. С точки зрения действующего законодательства – *de lege lata* он прав, как и многие ученые, которые рассматривают договор в одном из своих аспектов как правоотношение. С другой стороны, с точки зрения закона, издание которого желательно, – *de lege ferenda* они не правы, так как в целях усовершенствования закона не следовало признавать правильным понимание договора как правоотношения. От такой полисемичности термина «договор» следует отказаться.

Что касается понятия обязательства, его определение изложено в п. 1 ст. 307 ГК РФ, согласно которому «в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности».

Как видим, из текста указанного правового положения обязательство понимается как односторонняя гражданско-правовая связь, в которой только один должник и один кредитор. Однако, обращаясь к иным законодательным положениям, мы замечаем иное понимание обязательства.

В частности, из законодательного положения, изложенного в п. 2 ст. 308 ГК РФ, прямо следует понимание обязательства как двусторонних правовых связей, в которых есть два кредитора и два должника (имеются в виду встречные обязательства сторон).

Таким образом, то обязательство, о котором идет речь в п. 1 ст. 307 ГК, является лишь частью того обязательства, о котором идет речь в п. 2 ст. 308 ГК. В этих законодательных положениях используется один и тот же термин – «обязательство», но значение ему придается разное. При этом нельзя сказать, что то понимание обязательства, которое вытекает из п. 2 ст. 308 ГК, имеет преимущество перед тем пониманием обязательства, которое отражено в определении понятия обязательства, которое наводится в п. 1 ст. 307 ГК, поскольку термин «обязательство» понимается законодателем то как односторонняя, то как двусторонняя правовая связь. А значение, в котором употребляется термин «обязательство», в каждом конкретном случае следует обнаруживать из контекста соответствующих законодательных положений.

Так, когда в ст. 416 ГК устанавливается правило о прекращении обязательства невозможностью исполнения, то из контекста этого законодательного положения следует, что речь идет о том обязательстве, которое определяется в п. 1 ст. 307 ГК, поскольку маловероятно, чтобы невозможность исполнения наступила в отношении обоих встречных обязательств, основанных на одном и том же договоре. Из контекста ст. 418 ГК четко видно, что здесь речь идет об обязательстве как односторонней правовой связи: смерть должника прекращает только то обязательство, в котором умерший был должником. Встречное обязательство при этом не прекращается, а его судьба решается на основании не п. 1 ст. 418 ГК, а на основании других законодательных положений. Аналогично и смерть кредитора прекращает только то обязательство, в котором умерший был кредитором.

Из иных законодательных положений следует понимание прекращения всего комплекса двусторонних правовых связей, возникающих на основании двустороннего договора. Это касается прекращения обязательства исполнением (ст. 408 ГК), прекращения обязательства новацией (ст. 408 ГК), в том числе прекращения обязательства ликвидацией юридического лица (ст. 419 ГК) В указанных случаях мы не можем использовать определение обязательства, содержащееся в п. 1 ст. 307 ГК, так как здесь следует понимание, вытекающее из п. 2 ст. 308 ГК.

Как одно из правил толкования терминов А. Ф. Черданцев называет придание им «того смысла, в котором они употребляются в юридической науке и практике» [1, с. 329]. Под практикой тут, очевидно, понимается и судебная практика. Но другие виды практики не могут быть поставлены в один ряд с судебной практикой толкования законодательных терминов, поскольку судебное толкование должно быть поставлено на третье место после вытекающего из закона понимания терминов и того значения терминов, которое вытекает из законодательных определений соответствующих понятий. Иная практика может учитываться в той мере, в коей эта практика отражает сложившееся в соответствующей сфере деятельности понимание значения терминов.

Что касается смысла, который придается тем или иным терминам в юридической науке, то этот смысл должен учитываться только после того, как не удалось выяснить значение соответствующего термина из законов, судебной практики и иной практики. В таких случаях следует учитывать тот смысл, который терминам придается обычно. Такой смысл отражается в энциклопедиях, энциклопедических словарях, учебниках.

При этом важно учесть тот фактор, что научные издания часто носят полемический характер и не отражают общепринятого в науке понимания терминов. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что в юридической науке анализ значения терминов обычно ведется без выделения аспектов *de lege lata* и *de lege ferenda*, что часто делает невозможным применение научного понимания терминов для целей правотолкования. К примеру, в положениях гражданского законодательства речь идет о «причиненных» убытках (например, в п. 1 ст. 393 ГК). Это законодательное положение в научной литературе начисто игнорируется, и уже в учебной литературе доказывается, что причинная связь (то есть причинение) бывает прямой (прямым) или непосредственной (непосредственным) и косвенной (косвенным) [6, с. 539–540]. Но ведь косвенная причинная связь, косвенное причинение признаются. Получается, что законодатель признает гражданско-правовое значение «причинения» (любого), а в науке утверждается, что такое значение носит не всякое причинение, а только прямое. Ученых можно было бы понять, если бы они утверждали, что *de lege lata* любое причинение имеет гражданско-правовое значение, но *de lege ferenda* такое значение следовало бы признавать только за причинением прямым. Но такая оговорка не делается, и доктринальное положение приходит в противоречие с положением законодательным.

Учитывая все вышеизложенное, следует сделать вывод о существовании потребности в субординации существующих правил толкования терминов. На наш взгляд, на первом месте должно быть вытекающее из закона понимание термина, далее, на втором месте – то значение термина, которое вытекает из законодательного определения соответствующего понятия, а на третьем месте – судебная практика толкования законодательного термина (и иные виды практики). И только потом – научное понимание термина. Если же и обращение к науке не дало возможности выяснить значение определенного термина, тогда следует обращаться к тому значению термина, которое придается ему в литературном языке, а такое значение отражается в толковых словарях.

Список литературы

1. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Т. 2. Теория права / под ред. М. Н. Марченко. – М.: Зерцало, 1998. – 640 с.
2. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права: Избранные труды. В 2-х т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – 492 с.
3. Брагинский М. И. Договорное право: в 5 кн. – Книга первая: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2001. – 848 с.
4. Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. – Т. 2: Общая часть. Лица, блага, факты / В. А. Белов. – М.: Юрайт, 2012. – 1093 с.
5. Гражданское право / Алексеев С. С. [и др.]; под ред. С. С. Алексеева. – М.: Проспект; Екатеринбург; Институт частного права, 2009. – 528 с.
6. Гражданское право. Учебник. Часть I / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М.: ТЕИС, 1996. – 600 с.

Bakhrieva Z. The problem of interpretation of the terms in the civil law acts // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 201–206.

The article deals with the problem of the interpretation of terms in civil law acts, analyzing the various rules of interpretation on the example of the concepts «contract» and «obligation», taking into the aspects: de lege lata and de lege ferenda.

The author proves that the legal definition of a term, set forth in the Civil Code, may be divorced from the texts of legislative acts in which this term is used. The article also tries to subordinate all existing rules for the interpretation of terms. According to the author, in the first place there should be an understanding of the term following from the law, then, second, the meaning of the term, which follows from the legislative definition of the corresponding concept, the third place is the judicial practice of interpreting the legislative term (and other types of practice). And only then - a scientific understanding of the term.

Keywords: the interpretation of the terms, the legal norm, the legislative provision, the civil law, the contract, the obligation, de lege lata, de lege ferenda.

Spisok literatury

1. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs v 2-h tomah. Т. 2. Teoriya prava / pod red. M. N. Marchenko. – М.: Zercalo, 1998. – 640 s.
2. Krasavchikov O.A. YUridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave // Kategorii nauki grazhdanskogo prava: Izbrannye trudy. V 2-h t. Т. 2. – М.: Statut, 2005. – 492 s.
3. Braginskij M. I. Dogovornoe pravo: v 5 kn. – Kniga pervaya: Obshchie polozheniya / M. I. Braginskij, V. V. Vitryanskij. – М.: Statut, 2001. – 848 s.
4. Belov V. A. Grazhdanskoe pravo: v 4 t. – Т. 2: Obshchaya chast'. Lica, blaga, fakty / V. A. Belov. – М.: YUrajt, 2012. – 1093 s.
5. Grazhdanskoe pravo / Alekseev S. S. [i dr.]; pod red. S. S. Alekseeva. – М.: Prospekt; Ekaterinburg; Institut chastnogo prava, 2009. – 528 s.
6. Grazhdanskoe pravo. Uchebnik. CHast' I / Pod red. A. P. Sergeeva, YU. K. Tolstogo. – М.: «TEIS», 1996. – 600 s.